

Армия Российской империи в XVIII в.: выбор модели развития

В. В. Пенской

XVIII век стал одним из важнейших периодов в истории Российского государства. В результате грандиозных по размаху и замыслу реформ, начатых Петром Великим и продолжавшихся при его преемниках, на смену патриархальному Московскому царству пришла европеизированная Российская империя. Фасад российской государственности был полностью перестроен с использованием опыта государственного строительства в передовых странах Западной Европы. Преобразования затронули практически все сферы жизни российского государства и общества — политическую, экономическую, социальную, культурную и др. Среди этих преобразований одной из наиболее важных и успешных была военная реформа (вернее, целый цикл реформ, длившихся с краткими перерывами почти весь век).

Традиционно российские государи обращали на развитие вооруженных сил большое внимание. Геополитическое и стратегическое положение России, особая, отличная от восточной и западной, цивилизация (византийско-православная — по определению А. Тойнби¹), претензии Москвы на великодержавность и покровительство над всеми православными («Москва — третий Рим, а четвертому не бывать»), — все это и многое другое ставило проблемы, связанные с развитием армии, на особое место в политике московского правительства. Не изменилось такое отношение и после переноса столицы России в Санкт-Петербург, тем более что опыт военных действий в XVII в. наглядно показал — старомосковская военная организация, даже с учетом нововведений при Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, была весьма далека от совершенства и не отвечала требованиям времени. Предпринятые при Петре Великом и его преемниках преобразования в военной области привели к созданию уникальной по своим возможностям военной машины, которая в немалой степени способствовала превращению России в кратчайшие исторические сроки из варварского, полуазиатского государства, расположенного где-то на окраине Европы, в могущественную империю. Опираясь на созданные и непрерывно совершенствуемые армию и флот, петербургские императоры в протяжении XVIII в. не только закончили начатый московскими государами процесс собирания земель, ранее входивших в состав Киевской Руси, но и существенно расширили пределы Российского государства. Россия твердо встала на берегах Черного и Балтийского морей, в ее состав вошли

Пенской Виталий Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Российской истории Белгородского государственного университета.

значительные территории в Азии, ее влияние ощущалось не только на берегах Каспия, на Кавказе и на Балканах, но даже в Мировом океане и в далекой Америке.

Впечатляющие успехи русской внешней политики были бы невозможны, если бы они не происходили на фоне не менее блестящих побед русской армии. Естественно, что история русской армии и флота издавна привлекала к себе внимание отечественных исследователей. Однако, к сожалению, приходится признать, что после 1917 г. вопросам развития вооруженных сил России в XVIII в. уделялось явно недостаточное внимание, особенно в последнюю треть XX века².

Среди прочих вопросов, не получивших должного отражения в работах отечественных историков, одним из наиболее интересных является проблема выбора модели развития, по которой должны были развиваться вооруженные силы Российского государства в XVIII веке. На выбор модели развития русской армии на протяжении всего столетия влияло множество разнообразных факторов, как объективных, так и субъективных. Активными факторами политики, имперские амбиции, большая протяженность сухопутных и морских границ, — все это требовало создания и поддержания на должном уровне боеспособности значительных вооруженных сил. Однако экономические и финансовые возможности новорожденной империи налагали серьезные ограничения на запросы политиков и генералов. Вопрос стоял так — или иметь армию «числом побольше, ценою подешевле» за счет экономии на жаловании, обучении, создании соответствующей инфраструктуры для размещения армии и флота и т. д., или стремиться к вооруженным силам меньшим по численности, но отменно обученным, вооруженным и вымуштрованным. Первый путь, опробованный в предыдущем столетии, показал свою неэффективность, и потому Петр попытался направить развитие армии и флота по второму пути. Но тогда возник вопрос — что должно быть положено в основу новой модели военного строительства и как соотносится выбранный путь с реальными финансовыми и экономическими возможностями России. Именно недостаточность наличных ресурсов империи предопределила неудачу многих попыток преобразования в военной области.

Другим не менее важным объективным фактором, оказавшим серьезное влияние на развитие русской армии, были особенности театра военных действий (ТВД) и противников, с которыми приходилось сталкиваться русской пехоте, кавалерии и артиллерии на протяжении столетия. Одно дело — европейский ТВД, небольшой по размерам, относительно густонаселенный, достаточно насыщенный разного рода коммуникациями. Со всем иначе смотрится северо-западный ТВД — заболоченный, покрытый густыми лесами, сырой и холодный, с редким населением, или южный — бескрайняя безводная степь, практически безлюдная, где нет дорог, а есть лишь направления. Разным был и противник — если на западе и северо-западе русским солдатам и офицерам предстояло иметь дело с небольшими, отлично вымуштрованными регулярными армиями, которые строились на основании последних достижений европейской военной мысли, то на юге русским противостояли многочисленные иррегулярные армии Османской империи и Крымского ханства. Для борьбы с ними от русских генералов, офицеров и солдат требовались несколько иные качества, чем в Европе. Иметь две разные армии Российская империя позволить себе не могла по экономическим и финансовым соображениям. Следовательно, нужно было найти наиболее оптимальный вариант сочетания качества, необходимых для успешного ведения войны и на западе, и на юге.

Среди субъективных факторов, влиявших на развитие вооруженных сил Российской империи в XVIII в., вне всякого сомнения, на первом месте стояли пристрастия первых лиц империи, оказывающих определяющее влияние на принятие решений, касающихся дальнейшего развития армии и флота России. Здесь многое зависело от того, какое образование получила та или иная личность, какой военный опыт она накопила к тому времени, когда она смогла оказывать заметное влияние на развитие вооруженных

сил, насколько свободно, без оглядки на авторитеты, она могла мыслить и принимать решения. В этой связи необходимо отметить, что среди русских генералов и фельдмаршалов в XVIII в. преобладали генералы-практики, набравшие опыт и знания не в тиши кабинетов и не в учебных классах, а в походах, на полях сражений и на плацах. Теоретиков, способных проанализировать и обобщить опыт боевых действий и подготовить соответствующие рекомендации, наставления и уставы, в русской армии было не так уж и много, особенно в первой половине века. К их числу можно отнести Петра I, Х. А. Миниха, П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова и, пожалуй, Павла I. Взгляды этих крупных военачальников и администраторов накладывали свой отпечаток на развитие русской армии и флота на определенных этапах их истории.

Предпринимаемая военная реформа, Петр I должен был для начала определить, что положить в основу строительства новой армии. Старомосковская военная традиция была им отброшена сразу по причинам чисто военным (пример походов под Читирал, Перекон и Азов в последней четверти XVII в. наглядно продемонстрировал, как нельзя строить армию), так и по политическим (события 1682, 1689 и 1698 гг. глубоко запали в душу Петра и не могли не внушить ему отвращения и ненависти к старым московским войскам, оказавшимся не способными защитить законного государя). Выход оставался один — занять «ума» у Европы. Однако при этом нужно было решить очень важный вопрос — как отнестись к западному опыту строительства вооруженных сил. Перенимать ли его в чистом виде, догматически или же приспособить, насколько это будет возможно, к русским условиям, отнестись к нему прагматически. Именно по этому вопросу и проходил рубеж, одолевший Петра I, Румянцева, Потемкина, Суворова и ряд других военачальников, традиционно отнесенных к так называемой «национальной», или «русской», военной школе, от приверженцев «шесмельской» школы — Миниха, Петра III, Павла I и ряда русских генералов 40-х — начала 60-х годов XVIII века. Хотелось бы в этой связи отметить, что, на наш взгляд, самобытной русской военной школы в чистом виде не существовало. Речь шла именно о том, как отнестись к европейскому опыту военного строительства — брать ли его в чистом, неизменном виде, перенимать ли все шедшее с Запада догматически либо использовать иностранные положения избирательно, применяя их к конкретным условиям, в которых находилась русская армия.

История новой русской армии началась в ноябре 1699 г., когда царскими указами был объявлен набор даточных и «вольных» людей в «новоприборные» солдатские полки. Незадолго до этого Петр I направил в Европу майора А. А. Вейде для ознакомления на месте с опытом строительства вооруженных сил в ведущих европейских державах. Вернувшись из поездки, Вейде представил Петру доклад, положения которого и были использованы при подготовке первых русских воинских уставов, наставлений и инструкций. В основу «Краткого обыкновенного учения» и других аналогичных документов, которыми руководствовались офицеры «новоприборных» полков при обучении рекрутов, легли имперские и саксонские уставы и наставления. В частности, в «Кратком положении об учении конного драгунского строя», составленном примерно в 1701—1702 гг., упор делался на обучение стрельбе с коней, построению в три или шесть шеренг, а также такому маневру, как «караколе». «А егда первая шеренга выпалит, — говорилось в уставе, — тогда направо и налево выступать шесню и выступать заряжать ружье и приехать стать позади где стояла задняя шеренга и приехать тотчас поднять мушкеты на караул, а вторая выступает на первое шеренги место, по тому же и прочие шеренги». Это вполне понятно, поскольку большая часть офицеров-иностранцев молодой петровской армии так или иначе была связана с имперской или саксонской армиями.

Саксония была союзником России в Северной войне, а имперцы вместе с русскими сражались с турками в кошке XVII в., и в этих войнах имперская армия заслужила славу одной из лучших армий Европы. Этому же должно было способствовать и то обстоятельство, что в русскую армию трижды,

в годы Великого посольства, в 1702 и 1704 гг. в большом количестве приглашались иностранные офицеры и генералы. Только в 1697—1698 гг. в Россию было приглашено около 700 иностранных военных специалистов. Говоря же о роли иностранцев, пруссак Х.-Г. Манштейн, долгое время служивший в русской армии и хорошо осведомленный о тайнах русской внешней и внутренней политики, сообщал, например, о роли имперского фельдмаршал-лейтенанта Огильви: «Из иностранцев, приехавших в Россию, главным был фельдмаршал Огильви; этому генералу обязаны первоначальным введением порядка и дисциплины в русской армии, и в особенности в пехоте». Даже если Манштейн и преувеличил роль этого генерала и многих других иностранных офицеров, то непамяного. Во всяком случае, в 1701 г. в полевой пехоте из 1137 офицеров 1/3 составляли иностранцы, причем штаб-офицерские должности замещались ими полностью. Даже по окончании проведенной после Прутского похода чистки в 1720—1721 гг. в русской армии насчитывалось около 13% офицеров-иностранцев³.

Казалось, учитывая все эти обстоятельства, новорожденная русская армия должна была в кратчайшие сроки превратиться в подобие имперской или саксонской армий со всеми присущими им достоинствами и недостатками. Однако этого не произошло в силу некоторых весьма веских причин. Нельзя не согласиться с мнением В. А. Артамопова, заметившего, что «военные реформы предвизвали Северный конфликт, а Северная война, определила ход импровизированных военных реформ». Вынужденный строить новую армию по принципу «на охоту ехать, собак кормить», в условиях, когда постоянно ощущался острый недостаток грамотных специалистов, когда не хватало средств, оружия, качественного обустройства и амуниции, Петр был вынужден импровизировать. Так, Манштейн, говоря о планах царя завести регулярную кавалерию по типу имперской или саксонской, писал по этому поводу: «Император хотел также преобразовать кавалерию на европейский лад. С этой целью он принял на службу несколько сот саксонских кавалеристов, которые должны были служить образцом, но, убедившись, что в России не хватало лошадей для ремонта тяжёлой кавалерии, а выписывать их из-за границы стоило слишком дорого, повелел отказаться от этой мысли и удовлетворился сформированием драгунских полков»⁴.

Вдобавок ко всему для налаживания длительного, регулярного, педагогического обучения премудростям европейской тактики у Петра просто не было времени, поскольку новорожденные пехотные и драгунские полки сразу отправлялись на фронт. Учиться им приходилось уже на поле боя и в промежутках между большими и малыми маршами. Между тем значительные потери приводили к постоянной текучести кадров в полках. На смену умершим от болезней и ран, убитым и бежавшим солдатам приходили все новые и новые рекруты, малообученные, а то и вовсе не подготовленные, и все повторялось сначала.

Все сказанное в полной мере относилось и к офицерам. Поскольку в России в то время не было специальных учебных заведений, которые готовили бы офицерские кадры, азы военной науки командный состав молодой петровской армии был вынужден постигать на практике, в «боях и походах», учась вместе с рядовыми солдатами. По примеру своего главного противника в Северной войне (через лейб-гвардейский полк Карла XII проходило до 40% офицеров шведской армии⁵) Петр I сделал главной кузницей офицерских кадров для полевых полков своей армии лейб-гвардейские полки — Преображенский и Семеновский. Нужно сказать, что обучение на практике соответствовало натуре Петра Великого. Не получив нормального образования, он постигал науки на практике, и волей-неволей перенес свой опыт и на военную область. Так, в 1714 г. он издал указ, которым запретил производить дворян в офицерский чин прежде, чем они в обязательном порядке не пройдут службу рядовыми в гвардейских полках. Тем самым сложившийся к тому времени порядок, когда дворяне приравнялись к рекрутам и постигали военную службу, как говорил сам Петр I, с «фундаменту», был законодательно закреплён.

Вместе с тем обучение армии в ходе войны вкупе с прагматическим использованием западноевропейского опыта военного строительства, присущим Петру I (он брал из Европы только то, что, с его точки зрения, было полезным для русской армии и соответствовало имеющимся в его распоряжении ресурсам), как ни парадоксально, как раз и способствовало тому, что русская армия не превратилась в некое подобие имперской или саксонской армий. Написанные по имперским образцам уставы так до конца и не были усвоены войсками, и потому царю и его генералам не приходилось все ломать и начинать заново. Многочисленные наставления, инструкциии, правила, «артикулы» и прочие документы времен войны, регламентировавшие подготовку войск, готовились на основе анализа опыта боев со шведской армией. Постепенно русские войска начали усваивать передовую по тем временам тактику «каролинцев», делавших упор не на огневой бой, а на удар, на атаку холодным оружием после кратковременной огневой подготовки. Полтавская баталия стала едва ли не последней в Северной войне, когда русские войска старались до последнего оттянуть момент решающей схватки, стремясь перед штыковым боем максимально ослабить шведов массированным артиллерийским обстрелом и ружейной пальбой. После Полтавы, когда ядро кадровой шведской армии было уничтожено и качество подготовки армии Карла резко снизилось, роли уже поменялись — теперь русские пехотинцы и драгуны обычно атаквали первыми, а шведы оборонялись. Накопив нужный опыт и ободренные многочисленными победами, полтавские ветераны Петра легко справлялись со шведскими новобранцами. Примеров тому во второй половине Северной войны более чем достаточно.

Прутский поход 1711 г. показал, однако, Петру, что война с турками несет несколько иной характер, нежели война со шведами. Имея слишком преувеличенное представление о боеспособности своих войск, Петр отправился весной 1711 г. на войну с Турцией, и первые же бои показали, что турецкие янычары и спаги были «крепким орешком» даже для опытных и закаленных полтавских ветеранов. Война была проиграна, а для Петра это оказалось большим ударом, и он мечтал о revanche все последующие годы. Манштейн писал, что царь «не мог равнодушно вспоминать о Прутском мире. По его приказанию на Дону устроены были обширные магазины, заготовлены в Воронеже, Новолавровске и других пограничных местах множество лесу для постройки плоскодонных судов, которые могли бы спуститься по реке Днепру и по Дону; запасено большое количество оружия, военных припасов, солдатского платья; словом, все было готово к походу, как смерть постигла Петра, и проект не состоялся»⁶.

Естественно, что, памятуя о своей неудаче 1711 г. и не слишком успешных действиях русских войск против турок и татар в период Чигиринских, Крымских и Азовских походов, Петр не мог не задуматься над тем, как лучше подготовить свою армию к предстоящей войне. В этой ситуации он решил обратиться к опыту имперцев. Руководимая такими блестящими военачальниками, как Р. Монтекуколи и Е. Савойский, имперская армия в XVII в. успешно воевала с турками и накопила огромный опыт ведения войны со столь специфическим и необычным для европейских генералов противником. К тому же в ходе недавно окончившейся войны за Испанское наследство имперская армия одолела считавшуюся до того непобедимой французскую армию. Со второй половины 10-х годов XVIII в. русская армия начала постепенно снова возвращаться к использованию имперского военного опыта, тем более, что основные принципы строительства вооруженных сил Империи не были совсем уж незнакомыми для русских генералов. Это относится и к созданию поселенных пограничных войск — ландмилиции, и к применению оборонительной, делавшей упор на огневое воздействие на неприятеля тактики.

Сам Монтекуколи так сформулировал основные положения тактики имперских войск в сражениях против многочисленных иррегулярных армий турецкого султана. «С самого начала к неприятелю подхода, — писал этот военачальник, — надобно его пушечною пальбою встретить. Потом ближе

подоспели, из мушкетов и пистолет дулами осыпая; затем уже копытами в него ударить, а во окончания дела, на палашах или на пятаках с мечами схватиться»⁷. Примерно так же действовали русские войска в боях против турок в конце XVII в. и точно так на Пруте петровские полки сумели отразить все атаки янычар и спагов на свои позиции.

Учитывая все эти обстоятельства, Петр I в конце своего правления предпринял новую попытку внедрить основные положения имперской военной школы в практику обучения своих войск. Об этом свидетельствуют документы, определявшие порядок обучения русских войск, принятых в начале 20-х годов XVIII века. Так, указом Петра I от 17 мая 1723 г. было «повелево учить драгун в стрельбе и швенгилях, как употребляют цесарские против турок», причем был составлен и соответствующий «чертеж», по которому вплоть до начала 1730-х годов «полки драгунския обучаются по вышесказанному и против того чертежа». В объявленном из Сената именном указе Петра I от 20 мая 1720 г. предыдущее указание несколько уточнялось. «Генералу Бону сказать, — отмечалось в указе, — чтоб дал в письме обучение драгун оборотами, как обыкновенно в цесарском войске». Генерал-майору Леверну, когда он призван будет в службу, велеть экзерциции конные написать, а к генералу Голицыну писать, чтоб учил конницу пераздельными шеренгами и повороты б были шеренгами и прислал бы сочинив тому учению артикул». Об обучении драгун стрельбе с коней в имперском образце говорит и меньшковский драгунский артикул 1720 года. В войне против турок пригодились бы и введенные еще в 1706—1707 гг. пики, и рогатки, и тяжелая, имеющая защитные доспехи кавалерия — кирасиры (интерес к созданию кирасир тоже появился у Петра в конце его царствования)⁸.

Однако в ходе Северной войны и конфликта с Турцией формируются и отрицательные стороны петровской военной школы, которые, к сожалению, были переняты и теми военачальниками и администраторами, которые пришли после Петра. В их числе, вне всякого сомнения, — пренебрежительное отношение к простым солдатам. Это неоднократно отмечали даже иностранцы, которых никак нельзя заподозрить в любви к простому русскому солдату. Безусловно, западных военачальников трудно заподозрить в излишнем гуманизме и любви в отношении рядовых и унтер-офицеров даже своих армий. Однако их армии в значительной степени были укомплектованы наемниками, а наемники стоили достаточно дорого и потому их худо-бедно старались беречь. В России же все было иначе — Петр не жалел на себя, ни дворян, что уж там говорить о солдатах, тем более что большинство из них были еще вчера простыми мужиками. Утвердившаяся с 1705 г. система рекрутских наборов представляла практически неисчерпаемый источник пополнения для армии и флота, и новый рекрутский набор быстро позволял закрыть брешь в строю рот, батальонов и эскадронов.

К моменту смерти Петра его военная система не успела еще сложиться в целостное учение. Русская армия, находившаяся в 1725 г. на своеобразном перепутье, после смерти царя-преобразователя сделала окончательный поворот к полному перениманию имперского опыта (и русского в том числе), поскольку в 30-х годах XVIII в. прусский король Фридрих-Вильгельм I и его главный военный советник принц Леопольд фон Ангальт-Дессау, муштруя свою армию, основывались на тех же принципах) произошел уже при императрице Анне Иоанновне. Этому способствовал ряд важных обстоятельств — в 1726 г. Россия и Римская империя заключили военный союз, а после 1730 г., когда на российский престол оказалась племянница Петра Великого Анна Иоанновна, немцы постепенно заняли ведущие посты в военной верхушке русской армии и их влияние на развитие русской армии усилилось.

Поворот к окончательной перестройке русской армии по имперскому образцу был связан с деятельностью учрежденной 1 июня 1730 г. по указу Анны Иоанновны Военной Комиссии. В указе по этому поводу говорилось, что «Наше Всемилостивейшее соизволение и намерение есть тако-

е, к пользе и безопасности Государства Нашего необходимо потребное, от императора Петра Великого учиненное, учреждение накрепко содержать все притом произошедшие неурядки и помешательства исправлять, такие основательные учреждения учинить, дабы она Паша армия всегда в настоящем добром и порядочном состоянии и сколько притом возможным, без излишней народной тягости и напрасных Государственных убытков содержать»⁹. Первоначально Комиссию возглавил генерал-фельдмаршал М. М. Голицын, затем, с 4 января 1730 г. — генерал-фельдмаршал В. В. Долгорукий, но вскоре и он был вынужден оставить этот пост. После того, как президентом Военной Коллегии, генерал-фельдцейхмейстером, а с 8 марта 1730 г. и главой Военной Комиссии стал Б.-Х. Миних, в его руках сосредоточились все нити управления русским военным ведомством и русской армией.

На личности Миниха стоит остановиться несколько подробнее, поскольку его нововведения определили направление развития русской армии на последующие 40 лет. Сын ольденбургского крестьянина, своими трудами заслужившего дворянство, Миних получил пешхое инженерное образование. В 16 лет он поступил на службу во французскую армию, и с тех пор его жизнь оказалась тесно связанной с военной службой. С началом войны за Испанское наследство 1701—1714 гг. Миних перешел на службу в имперскую армию и сражался под знаменами знаменитого Евгения Савойского (в те же годы в имперской армии набирался военного опыта и другой анненский фельдмаршал — П. П. Ласси). После завершения войны Миних перешел в саксонскую армию, а когда оказался не ко двору Августа II, то продал свою шпагу Петру I. Успешно выполнив задание Петра по строительству Ладожского канала, Миних сумел завоевать доверие царя, и с тех пор его служебная карьера в русской армии пошла в гору.

Встав во главе русской армии, Миних, вопреки общепринятому мнению (так, Н. И. Павленко писал: «После Петра традиции были на многие годы утрачены, они начали восстанавливаться при Елизавете Петровне, когда у истоков своей военной карьеры находились П. А. Румянцев и А. В. Суворов») продолжил линию Петра на перенимание имперского военного опыта. Именно ко времени Миниха и относится окончательное утверждение в русской армии специализированных родов войск по образцу имперцев. Особенно хорошо это заметно на примере эволюции русской регулярной кавалерии и пограничных поселенных войск в миниховские времена. В отличие от царя-реформатора, он был не столь прагматичен и пытался копировать имперскую военную систему в чистом виде, без применения к российским условиям и накопленному в годы Северной войны опыту. Так, в докладе Военной Комиссии Анне Иоанновне от 14 июля 1731 г. о заведении в русской кавалерии кирасир указывалось: «Понеже в Российском войске иной кавалерии, кроме драгунских полков, а именно рейтаров и кирасиров не бывало, а при других при всех европейских войсках имеются большие рейтарские, нежели драгунские, а при некоторых, а особливо при Римских цесарских войсках, имеются кирасирские полки, которые против Турецкого войска действовали лучше драгун, и легкие драгунские полки против рейтарских и кирасирских полков не могут с авантажем стоять, того ради Военная Комиссия рассуждает, дабы в нынешнее мирное время учинить таких кирасирских десять полков на несметных лошадах»¹⁰.

Займствованию имперского военного опыта в немалой степени способствовал и ряд других факторов. В частности, старые, прошедшие закалку в пламени Северной войны русские фельдмаршалы к началу 1730-х годов либо умерли (Меншиков, Ренин, Голицын), либо были арестованы как замешанные в «затейке» верховников и политических интригах 1730 г. (подробно Долгорукому), либо отошли от дел, не влияя на принятие решений, касающихся дальнейшей судьбы русской армии (Трубецкой и Брюс). Миних, до 1734 г. пользовавшийся доверием императрицы, фактически безраздельно господствовал на русском военном Олимпе и мог проводить в жизнь практически все, что считал нужным. Кроме перестройки русской

армии по имперскому образцу, им также была заложена основа для дальнейшего продолжения выбранного им курса.

Предполагая завести в русской армии хороших офицеров, получивших не только практическое, но и теоретическое образование, Миних поддерживал предложение П. И. Ягужинского о создании специального учебного заведения для подготовки кадров для офицерского корпуса русской армии. Указом Анны Иоанновны от 29 июня 1731 г. в столице империи был открыт Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Этот корпус создавался по образцу аналогичных заведений в Пруссии и Франции и при помощи пруссаков. «Прусский король прислал офицеров и унтер-офицеров для первого устройства этого корпуса и обучения прусским военным приемам... — писал Маништейн. — Выпускники из корпуса офицеры оказываются, бесспорно, лучшими между остальными офицерами из русских». Это замечание применительно тем, что адъютант Миниха указал на то, что офицеры-выпускники Корпуса обучались на трудах европейских, прежде всего имперских, военных теоретиков, и потом свои знания стремились внедрить в русской армии. При непосредственном участии Миниха, кроме того, были разработаны и два новых устава — кавалерийский 1733 г. и пехотный, причем оба устава в войсках носили характерное название «пруссие экзерциции»¹¹.

Безусловно, нельзя сказать, что своей деятельностью Миних привнес русской армии один лишь вред. «Благодаря стараниям этого генерала, — указывал Маништейн, — русская армия приведена в такой стройный порядок, которого прежде не бывало, и в войске водворилась дотоле чуждая ему некоторая дисциплина». С этим его утверждением можно вполне согласиться, так как после смерти Петра I Верховный Тайный совет, озабоченный вечной нехваткой денег, придерживался политики жесткой финансовой экономии. Верховникам не удалось найти способ, как сохранить высокий уровень боеспособности значительной по численности армии, которая должна была охранять огромные границы России, и в итоге вооруженные силы Российской империи постепенно пришли в расстройство. Миних же стремился поднять боеспособность армии, еще в 1725 г. выступив против сокращения военных расходов, поскольку, по его мнению, «от единого слуха о убавке войска происходит умаление кредита и знатности, которыми Российское государство ныне пользуется», и сумел многого добиться на этом пути¹².

Об этом говорит и ряд побед, одержанных русскими войсками над турками и татарами в ходе русско-турецкой войны 1736—1739 годов. В ходе этой войны Миних, назначенный главнокомандующим русской армией, без успеха применил основные принципы имперской военной школы, насаждаемые им в русской армии, на практике. Так, в написанной в 1737 г. диспозиции боевых порядков и маневров на случай генерального сражения с турками Миних указывал: «Турки рассчитывают на свою сильную и многочисленную армию с артиллерией, на здоровье, силу и деятельность своих солдат и на выносливость лошадей; в этом они имеют преимущество над другими европейскими армиями... Мы должны рассчитывать на дисциплинированную армию, на благоустроенный боевой порядок и на меткий и сильный мушкетный и артиллерийский огонь». Налицо полное соответствие требований к ведению боя, изложенных, например, в трактате Монтекуколи¹³.

Однако попытка Миниха посадить на российской почве имперские принципы военного строительства в чистом виде успеха не имела. Его грандиозные планы столкнулись с недостаточной финансовой и экономической базой Российской империи, а прагматического отношения Петра Великого к заимствованию европейского военного опыта ему не хватало. В итоге его реформы после того, как в 1734 г. Миних, потерпев неудачу в придворной борьбе, был удален из Санкт-Петербурга, постепенно заглохли. Однако сама идея насадить на русской почве имперскую военную традицию такой, какая она есть, не умерла.

После водворения императрицы Елизаветы Петровны на волне анти-немецких настроений в обществе в русской армии на бумаге произошли

возврат к началам пеговской военной школы. Однако, как отмечали авторы книги «Регулярная пехота: 1698—1801» О. Леонов и И. Ульянов, хотя фельдмаршалу Ласси удалось «восстановить в правах» петровский яковлевский устав 1716 г., рукописные миниховские уставы породили своеобразную практику составленных полковыми и дивизионными командирами самостоятельных наставлений и инструкций относительно порядка обучения и подготовки войск. Сама по себе идея коррективы уставов достаточно неплоха, но в русской армии того времени она сыграла негативную роль — не в меру инициативные начальники, не обладая должными аналитическими качествами и не слишком утруждая себя осмыслением опыта войны, в которых участвовали русские войска, попросту ориентировались на европейские образцы, благо примеров для подражания было более чем достаточно. Именно по этой причине собранная по настоянию Ласси при дворе императрицы Елизаветы Петровны 1 декабря 1741 г. очередная Военная Комиссия, проработавшая до 1743 г., фактически осталась в силе все, что успел сделать Миних. Таким образом, имперское влияние на развитие русской армии ощущалось вплоть до середины 50-х годов XVIII в., когда оно было сменено на прусское¹⁴.

Пруссофилия неспроста поразила умы русских генералов. Имперская армия на протяжении почти всей первой половины XVIII в. считалась образцовой, лучшей во всей Европе. Однако в ходе войны за Австрийское наследство 1740—1748 гг. она неожиданно была разгромлена войсками Прусского королевства под водительством молодого короля Фридриха II. Эта победа была тем более поразительна, что до начала этого конфликта никто в Европе не принимал всерьез Пруссию. Однако «кайзер-солдат» Фридрих-Вильгельм I, экономя буквально на всем, смог создать большую и отлично вышколенную армию, а его сын Фридрих сумел показать, как правильно использовать ее на поле боя. Доведя унаследованный от отца военный механизм до максимально возможного совершенства, Фридрих создал настоящую армию-машину. Действуя практически всегда меньшими силами, всегда атакуя, полки Фридриха раз за разом громили имперские войска. Громкие победы, вышколенный вид войск, литературный дар Фридриха — все это не могло не произвести впечатление на европейских генералов, в том числе и на русских, которые, пытаясь постигнуть секрет прусских побед, стали ориентироваться в строительстве своих армий на фридриховскую военную школу¹⁵.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что после завершения войны за Австрийское наследство отношения Российской империи и Пруссии стремительно ухудшались. С точки зрения канцлера Бестужева-Рюмина, Пруссия и ее король были врагами «погасенными», тем более опасными, что сила и мощь Пруссии день ото дня возрастали. «Сей король, — писал в одной из записок Бестужев, — будучи ближайшим и наисклейшим соседом Империи, потому натурально наипоопаснейший, хотя бы он такого непостоянного, захватчивого и возмутительного характера и нрава не был, каково он есть». Усиление Пруссии и ее агрессивная политика вызывали у русского канцлера вполне объяснимые опасения: «Коль более сила короля Прусского умножится, толь более для нас опасности будет»¹⁶.

Готовясь к вероятной войне с пруссаками, русские генералы не могли не начать перенимать опыт фридриховской военной школы. Однако, как и десять лет назад, они не смогли рационально осмыслить фридриховское учение. Новая Военная Комиссия, собравшаяся по императорскому указу от 19 сентября 1754 г., снова действовала по принципу «на охоту ехать, собак кормить» и решила заимствовать его в чистом виде, без приспособления к конкретным русским условиям, тем более что граф П. И. Шувалов, начальник Санкт-Петербургской дивизии, уже переобучал свои полки на новый лад и старался распространить свой опыт на другие дивизии¹⁷.

Шуваловский эксперимент произвел должное впечатление на генералитет и Военную Коллегию. В итоге «... как одним для инфантерии, а другим для кавалерии не токмо способнейшая экзерциция в состоянии приведена, но эволюции и марши до такого состояния доведены, что по свидетельству

Военной Коллегии, всего генералитета и высочайшей апробации всемирно стивейшей государыни, всей армии потому исполнять повелено и печатать с планами книги для того выданы. Опыт прежнего миниховского рукописного устава, размножившегося от руки с многочисленными исправлениями и дополнениями переписчиков, был учтен сполна. — П. В.); мне же (Шувалову. — П. В.) тогда повелено от всей армии всякого полку по штаб-офицеру в С.-Петербург взять и, их обучая, отправить к их полкам для скорейшего приведения в то же состояние, как и сии полки»¹⁸.

Шуваловская реформа положила начало внедрению фридриховской военной системы в жизнь русской армии. И внедрение с 1755 г. новых пехотного и кавалерийского уставов, разработанных П. И. Шуваловым и З. Г. Чернышевым с использованием прусских наставлений, и перемены в структуре армии и соотношении родов войск (формирование отдельных гренадерских полков, увеличение вдвое, с трех до шести, числа кирасирских полков, и формирование новых гусарских полков, и четко обозначившаяся линия на усиление муштры и шалестики как непременного условия превращения русской армии в подобие прусской армии-машинки), — все это свидетельствует о наметившейся тенденции на одностороннее развитие вооруженных сил Российской империи, их ориентации на борьбу с европейскими армиями на европейском ТВД.

В Семилетнюю войну армия Российской империи вступила, тем не менее, не успев перестроиться полностью на прусский манер. Однако это не помешало ей одержать ряд громких побед над пруссаками, в том числе и над самим Фридрихом Великим. Однако в глазах русских генералов авторитет прусского короля как законодателя военной моды не только не упал, но, наоборот, еще более возвысился. Еще бы, в течение семи лет с успехом противостоять значительно превосходящим силам антипрусской коалиции, одерживать меньшими силами над неприятелем такие блестящие победы, как под Росбахом или Лейтеном, и столь же блестяще оправдаться после, казалось бы, смертельных ударов (один Кунерсдорф чего стоит)! Отменная выучка, точность и совершенство в маневрах и эволюциях, быстрота и решительность действий на поле боя — все это и могло не быть замечено в России.

Петр III за время своего кратковременного царствования попытался ускорить процесс внедрения прусского военного опыта в русскую армию. Под его председательством была образована орденадная Военская Комиссия, которая предприняла ряд мер по перестройке русской армии, но многого сделать император и его военные советники не успели — в июне 1762 г. Петр лишился короны, а вскоре — и жизни. 5 июля сменившая его императрица Екатерина II подписала указ «Об отмене введенных в полки разных учреждений и о содержании полков на том же основании, как то было при императрице Елизавете»¹⁹. Однако уважение к фридриховской системе было настолько велико, что и падение Петра III ничего не изменило.

5 ноября 1762 г. императрица Екатерина II направила в Военную Коллегию инструкцию из 33 пунктов, в которой сформулировала основные требования к работе очередной Военской Комиссии. Указ о ее создании был обнародован 11 ноября 1762 г.²⁰, и хотя в ее состав вошли по преимуществу генералы-русские, ветераны Семилетней войны (генерал-фельдмаршал П. Салтыков, генерал-аншефы А. Голицын, З. Чернышев, П. Панин, М. Волконский, В. Долгорукий, генерал-поручики В. Суворов, В. Лопухин и др.), тем не менее их выводы из опыта Семилетней войны и решения практически полностью соответствовали выводам Петра III.

Хотя члены новой Военской Комиссии и прошли всю войну, они не смогли правильно распорядиться накопленными в ходе сражений и походов с пруссаками знаниями, отрешиться от гиллоза фридриховской системы. Они не обратили внимания на тот факт, достаточно ярко проявившийся в ходе минувшей войны, что боевые действия состоят не только, и не столько, из «генеральных баталий», сколько из маршей и «малой войны». Односторонняя ориентация на европейский ТВД, на борьбу с европейскими

армиями не только не была преодолена, но и продолжена. Над русскими генералами по-прежнему довлела сформировавшаяся еще до войны низкая самооценка, которая словами прусского историка Семилетней войны Репола могла быть выражена так: «Воины сии (то есть русские. — П. В.) были весьма крепкого сложения, приспосаблившиеся к принесению всех военных трудностей. Храбрость и твердость их были безпримерны; но европейское войско самое малоизкусное, когда дело доходило до воинских движений и оборотов, брало верх над ними»²¹.

Новые уставы, введенные в 1763 г. для пехоты и кавалерии и практически не отличавшиеся от уставов 1755 г., должны были преодолеть этот недостаток. Главная идея этих уставов заключалась в том, чтобы русские войска усвоили основы фридриховской тактики и присущие для прусской армии организационные структуры. Постепенно в армии стали насаждаться худшие черты прусской военной системы. Вспоминая начало своей военной службы в 1764 г., генерал А. Хрушев в начале XIX в. писал: «Вступил я в службу самым маленьким офицером в армию в то время, когда уборка волос и шегольское одеяние солдата первым предметом доставлялось. Узкая одежда и принужденные фигуры во фрунте и по отдельке изурядили человечество... когда на караул должно идти роту, то за сутки начнут убирать волосы и убранны, люди не могут спать иначе сидя... Унтер-офицерская и офицерская исправность поставлялась в том, кто больше дерется... Эволюции совершались исправно, словом для виду войско было чрезвычайное, и вельзя было, ибо нерадивый и не имеющий желаемой фигуры был убит до смерти»²².

Переобученная по этим уставам, русская армия должна была в короткое время превратиться в подобие прусской, однако этого не произошло. Причин тому было немало. Во-первых, заложенная при Минихе традициявольного отношения и трактования уставов и наставлений не только не исчезла, а напротив, именно при Екатерине II самостоятельное законотворчество командиров едва ли не всех рангов расцвело пыльным цветом. Во-вторых, главным противником русской армии в царствование Екатерины II были турки и поляки, противник довольно специфический, и опыт войны с пруссаками здесь не подходил. В условиях южноевропейского ТВД, в «малой войне» против легучих и легких отрядов татар, турок и польских конфедератов армия, исповедывавшая линейную тактику, неизбежно потерпела бы поражение (достаточно вспомнить не слишком успешные действия Миниха и в 1736-1738 гг., неудачи тех же австрийцев в войне с турками в 1788-1790 гг., или английских войск в войне с американскими колонистами в 1754-1764 гг.). Однако во главе русских войск оказались такие вояки, как П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин, П. И. Панин, А. В. Суворов, которые были не только практиками, но и, пожалуй, первыми настоящими русскими военными теоретиками, мысли которых о развитии военного дела в России отличались глубиной и оригинальностью.

Уроки сражений с турками, татарами и польскими конфедератами настоятельно требовали внесения серьезных корректив в процесс обучения солдат и способы ведения войны. Уже в 1769-1770 гг. командующие 1-й и 2-й русской армиями генералы П. И. Панин и П. А. Румянцев разработали и восторжались внедрить в подчиненных им войсках ряд инструкций и наставлений, касающихся ведения войны в новых условиях.

Заметный след в истории русской военной мысли оставил П. А. Румянцев. Командуя поочередно войсками 2-й и 1-й русской армий в русско-турецкой войне 1768-1774 гг., а также отдельными корпусами в ходе Семилетней войны, он накопил огромный опыт ведения войны с разными противниками, а обладая неординарным мышлением, мог сравнивать и делать выводы относительно оптимального обучения и строения войск применительно к конкретной ситуации. Еще в ходе Семилетней войны он обратил внимание на недостатки прусской военной системы, насаждаемой в армии усилиями Шувалова и Чернышева. Однако в годы войны с турками его критика установлений Военской Комиссии 1762 г. приобрела более острые и законченные формы. В частности, в письме императрице 25 марта

1770 г. он писал: «Что до кавалерии, то ныне армии, дознавшие, сколь удобнее для службы вообще, а в вооружении и содержании дешевле легкой всадник, пересадили часть большую своей кавалерии на легких лошадей. Мы, проводя войну против немецкой кавалерии на самых малых русских лошадках и употребляя сказать прямо, против них одних казаков, поражаются взылись тому, что другие оставили и, к отягощению службы и вреду кому взыли убытку, почти всю свою кавалерию на тяжелых лошадей и с тяжелою и дорогою амунициею посадить, и, сколь мало имеет она способности действовать против настоящего нашего неприятеля, в прошедшую кампанию ясными опытами доказалось»²³.

С точки зрения Румянцева, после завершения Семилетней войны развитие русской армии приняло слишком однобокий уродливый характер. Поэтому, по его мнению, она подлежала серьезной корректировке с учетом всех особенностей России и ее наиболее вероятных противников. Румянцев вовсе не собирался с ходу отбросить фридриховскую военную систему, полагая, что в ней содержится немало полезных идей, которые было бы неплохо перенять русской армии. Это относилось к высоким требованиям к уровню подготовки и обученности войск, образцовой дисциплине, вышустрованности прусских войск. Однако полностью копировать ее он считал невозможным и даже вредным, поскольку в отличие от прусской, русской армии предстояло сражаться не только с регулярными, и с нерегулярными европейскими армиями.

В этом плане интерес представляют вышедшие из-под его пера два примечательных документа — «Обряд службы» (1770 г.) и «Мысли» (1777 г.), а также «Правила генеральные, что должны быть соблюдены доколе через рекогносцирование получаемы лучшие сведения о неприятельском положении» (1773 г.). В частности, говоря о кавалерии, в «Мысли» Румянцев доказывал необходимость разумно сочетать легкую, среднюю и тяжелую кавалерию, учитывая потенциальные возможности каждого рода кавалерии и особенности их обмундирования и амуниции. То же касалось и пехоты. Румянцев полагал необходимым иметь как линейную пехоту, мушкетер, так и специализированную — гренадер и егерей. Так, в 1770 г. в своей армии Румянцев из отдельных рот собрал четыре сводных егерских батальона и несколько батальонов гренадер, а взамен приказал развернуть в полках дополнительные егерские команды. Обучая свои войска, Румянцев требовал от командиров, что бы те учили солдат «вообще делать то только то им указывасмо быть, что прямо к делу падлежит», и прежде всего действовать на поле боя активно и решительно. Румянцев стремился перенять лучшие стороны фридриховской военной системы (активная наступательная тактика, хорошо организованное взаимодействие различных специализированных для выполнения определенных задач родов войск, тщательное и основательное обучение войск), но с учетом национальных особенностей русской армии. Такая армия смогла бы успешно действовать и против имперцев, французов и пруссаков, и против турок и татар. Одним словом, Румянцев продолжил линию Петра Великого на избирательное заимствование европейского военного опыта²⁴.

Однако особенностью истории вооруженных сил России в XVIII в. (впрочем, и не только России, и не только в XVIII в.) было то, что генеральное направление развития определяли пристрастия той или иной личности, стоявшей во главе военного ведомства. Влияние Румянцева, Панина и ряда других умеренных и разумно консервативных военачальников на развитие армии продолжалось недолго. К началу 80-х годов XVIII в. их влияние сменилось влиянием Г. А. Потемкина.

Изучению деятельности Г. А. Потемкина во главе русского военного ведомства, к сожалению, в последние годы уделялось явно недостаточное внимание. Между тем, в 1780-х годах, особенно после того, как в 1789 г. Потемкин был произведен в генерал-фельдмаршалы и стал президентом Военной Коллегии, его власть в армии, если к тому же учитывать его близость к императрице, была беспрецедентной, и он мог осуществить все свои замыслы относительно реформирования русской армии.

Не имея за плечами длительной военной службы и основательного, классического военного образования, и потому меньше зависевший от европейской военной традиции, Потемкин опирался прежде всего на свой собственный опыт участия в русско-турецкой войне 1768-1774 годов. Он решил попытаться приспособить русскую армию к ведению войны против турок и татар. Его взгляды на традиционное европейское военное наследие как нельзя лучше характеризует составленная им записка о вооружении и обмундировании русских войск. «В Россию, — писал светлейший, подвергая резкой критике всю сложившуюся до него систему военного строительства в России — когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педагогством тогдашнего времени; а наипи, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и проч. Занимая себя таковою дрянью, и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей и оборотов». Реформы Потемкина были нацелены на придание войскам большей подвижности, легкости, маневренности на поле боя и на марше. Снова, как и при Петре, выветлилась тенденция к универсализации родов войск²⁵.

В обучении войск основной упор делался на отработку ударной, наступательной тактики. Вслед за Петром I и Румянцевым Потемкин требовал от командиров всех уровней учить солдат тому, что действительно нужно на войне. Примечательно, что хотя Потемкин и Румянцев находились в неприязненных отношениях, тем не менее подпись Потемкина как вице-президента Военной Коллегии стоит под ее докладом императрице с просьбой распространить румянцевский «Обряд службы» на всю армию как обязательное дополнение к уставу 1763 года. В докладе, например, отмечалось, что, командуя войсками 1-й армии, «для лучшей удобности единогласного по всем полкам исполнения учинил он (Румянцев. — П. В.) основанный на самых опытах обряд службы» — вот он, истровский подход к обучению армии в чистом виде.

Однако, в отличие от Румянцева, Потемкин в своих реформах был настроен более радикально. Он полностью отверг традиционный европейский мундир и заменил его более удобным и дешевым. Готовясь к войне, Потемкин ориентировался прежде всего на опыт войны с турками и потому постоянно указывал на необходимость действовать быстро и стремительно, стараться маневрировать, использовать крупные массы кавалерии как на поле боя, так и на коммуникациях противника. Характерным примером использования Потемкиным опыта ведения войны с турками может служить его план войны с турками, шведами и пруссаками, датированный 10 января 1785 года. В плане указывалось, что для успешного ведения боевых действий против пруссаков «...конницы чем больше, то лучше», причем использовать ее он предполагал по-азиатски, по-«скифски». «Убега как можно давать баталии, ибо с ним (Фридрихом. — П. В.) они кровопролитны и весьма убыточны, а пользоваться поисками конных войск, паче же употреблять казаков, которыми прищорвя время, удобно в тылу их армии срывать конвой... Сим новым ударом в один день разрушить армию можно... Превосходством легких Вашего Величества войск также можно делать извороты, что транспорты его будут безнадёжны, или принудят его прикрывать их большими огрядами, ая чрез то отыметса скорость его движений, что прежде было его силою». Потемкин верно заметил главное уязвимое место регулярных европейских армий — зависимость от правильного и регулярного снабжения, срывая которое, можно в кратчайшие сроки разгромить любую отлично вышустрованную европейскую армию²⁷.

Реформированная светлейшим русская армия приобрела весьма своеобразный вид, отличаясь при этом высокой боеспособностью и способностью решать боевые задачи любой сложности. Однако век ее был недолог. Одновременно с Потемкиным экспериментами в области военного строительства занимался и наследник престола цесаревич Павел Петрович. В своих гатчинских владениях он предпринял еще одну попытку перестроить русскую армию по прусскому образцу.

История павловской армии началась еще в 1782 г., когда он сформировал из подчиненных ему флотских батальонов так называемые Павловский и Каменноостровский гарнизоны. Эти две воинские команды в 1784 г. были переведены в Гатчину, подаренную ему Екатериной II, став первоосновой «гатчинского» войска. К 1796 г. «армия» Павла Петровича насчитывала уже два гренадерских батальона, четыре батальона мушкетер, роту егерей, два артиллерийские роты и три кавалерийских полка с одним кавалерийским эскадронам.

Полагая, что в рамках сложившейся при Екатерине системы управления армией ликвидировать многочисленные ее недостатки невозможно и испытывая стойкую неприязнь к своей матери, ее окружению и ее политике, особенно в военной области, Павел Петрович в поисках модели для создания своей армии не мог не остановиться на фридриховской военной системе. На выбор этого решения повлияли вполне понятные соображения. В начале 80-х годов XVIII в. Фридрих Великий считается по праву первым военным теоретиком Европы, а его армия, закаленная в сражениях двух жестоких войн, за Австрийское наследство и Семилетней, — лучшей в Европе. Построенная с использованием последних достижений европейской военной и философской мысли, она казалась непобедимой. Первые ростки новой, колонной тактики, зародившиеся в 40-50-е годы XVIII в., еще не были столь заметны, чтобы их можно было принимать в расчет. Опыт же войн, которые вела русская армия в 60-е — начале 90-х годов того же века, с точки зрения Павла и других сторонников прусской военной системы, которых немало оставалось в русской армии, в расчет можно было и не принимать. В самом деле, кто в Европе мог считать турок, татар и полков за «цивилизованных» воинов, сразиться с которыми почли бы за честь лучшие армии Европы? У Павла Петровича волею-неволею должна была возникнуть мысль — а способны ли будут русские войска на равных вести бой с вымуштрованными полками Фридриха или имперцев? Отвергая же накопленный русской армией в многочисленных сражениях с турками и татарами ценнейший опыт, связанный, в представлении цесаревича, с ненавистным ему Потемкиным и «екатеринским духом», он не мог не обратиться к прусской военной системе.

Немалую роль в выборе Павла Петровича сыграли и многочисленные недостатки, присущие русской армии начала 90-х годов XVIII века. Побывав в Пруссии, наследник российского престола не мог не обратить внимания на кажущуюся эффективность прусской государственной машины и военной в том числе. Отличная выправка прусских войск, их единообразный вид, прекрасная дисциплина, четкость и стройность при выполнении самых сложных эволюций и оборотов не могли не поразить впечатлительного цесаревича. Ничего этого в русской армии не наблюдалось. К концу правления Екатерины недостатков и упущений в ее войсках накопилось великое множество.

Одним из наиболее заметных недостатков было отсутствие единообразия в обучении и подготовке войск. В этом сходятся как отечественные, так и зарубежные очевидцы того времени. Предоставленная частным командирам инициатива использовалась ими таким образом, что, по словам французского наблюдателя Ж. Ромма, полковые командиры могли в свои полки «вводить ... любые новшества, любые причуды, которые кажутся им полезными». В итоге, по его меткому замечанию, «каждый полк и даже каждая рота — это своего рода отдельная республика, где командир упражняется во введении новшеств, не имея возможности оценить их последствия. Отсюда — удивительные различия не только между отдельными полками, но даже между подразделениями одной части: никакого единообразия, никакого общего принципа»²⁹. По мнению А. Хрущева, началось все это вскоре после завершения русско-турецкой войны 1768-1774 гг., когда «генералы оставили свои войска и удалились некоторые в столицы, а некоторые в свои деревни, так что к войску внутри государства ни один не хотел возвратиться и весьма редко, ежelib в несколько раз кто нибудь два или три месяца при своем месте оставался; сие подало повод к начальному

истреблению чиновачалия, ослабило машины, содержащие порядок учреждений. Осталась власть в руках господ полковников, которые вида себя властителями, во зло ее присвоили»²⁹.

В целом с оценкой Ромма и Хрущева можно вполне согласиться. Достаточно вспомнить инструкции Панина для 2-й армии, «Обряд службы» Румянцева для 1-й армии, «Суздальское учреждение» и тульчинскую «Науку побеждать» Суворова³⁰. «Наука побеждать» (1795 г.) и предшествовавшие ему некоторые другие инструкции А. В. Суворова — достаточно яркий пример самостоятельного законотворчества отдельных начальников, причем один из лучших. Так, в приказе по Кубанскому корпусу от 16 мая 1778 г. Суворов указывал: «Порядки сражений в благоустроенных военновачальников. Против регулярных войск — линейные, как в прошлой прусской войне, против ирегулярных, как в прошлой турецкой». При этом Суворов подчеркивал значение преимущества активной, наступательной, ударной тактики перед преимущественно оборонительной тактикой, присущей имперской военной школе. «Густые кареи были обременительны, гибче всех полковой карей, но и батальонные способные... Пехотные огни открывают победу, и погопо до конца совершают...» В «Науке побеждать» наглядно проявились глубокость Суворова, его избирательный подход в выборе способа действий в зависимости от характера противника. Он прямо указывает: «Баталия в поле; линиею против регулярных, кареями против бусурман, колонна нет... Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки. Они волонот на немцев и иных колоннами. Есть ли бы нам случилось против их, то надобно нам их бить колоннами ж»³⁰. И если боеспособность войск, что были подчинены этим выдающимся военачальникам, находилась на высочайшем уровне, то этого никак нельзя сказать о других частях и соединениях, особенно тех, что были расквартированы под столицей. Тот же Ромм, наблюдавший за их маневрами, сообщал: «Русские солдаты медлительны и скованы в движениях, во всех положениях чувствуют себя неловко, маршируют плохо, никогда не держатся естественно и непринужденно»³¹.

Разнобой в подготовке войск был не единственным серьезным недостатком русской армии времен конца царствования Екатерины Великой. Оказавшись полностью бесконтрольными, многие полковники, а вслед за ними другие офицеры стали использовать любые возможности для личного обогащения. Так, П. А. Румянцев в докладе Военной Коллегии 13 декабря 1787 г. отмечал, что путем махинаций с выделяемыми на ремонт и довольствие лошадей полковник кирасирского полка мог положить себе в карман в течении года 30149 рублей. Ему вторит и Хрущев, сообщая, что полковники, «не краснея в безстыде публично говорили, что „Мне от полку сорок тысяч рублей доходу нынешний год“. Казнокрадство и обворовывание подчиненных не было единственным грехом, которому были подвержены многие екатеринские генералы и офицеры. Множество солдат были «растасканы» по именням, служили денщиками и слугами, то же касалось и строевых лошадей. По некоторым оценкам, таких «растасканных» солдат в конце царствования Екатерины было до 50 тыс. при 400 тыс. числящихся на довольствии, и до половины строевых лошадей. Борьбсь с этими злоупотреблениями было практически невозможно, ибо пример казнокрадам и им подобным подавали первые лица в армейской иерархии. Тот же князь Потемкин, будучи шефом кирасирского полка своего имени, приказал выделить для своего конвой 34 кирасира, не считая множества других чинов полка, которые служили при нем конюхами, поварами, ординарцами и пр. Все это не было секретом для Павла, и он имел все основания писать в 1778 г. генералу П. И. Панину о состоянии русской армии: «Все в ней идет по прихоти каждого; а часто прихоть состоит в том, чтоб ничего не делать, а угодить своим необузданным страстям. Вот плачевное состояние, до которого у нас военная часть дошла»³².

Стремясь как можно скорее навести в армии порядок, Павел немедленно после своего вступления на престол ввел новые пехотный и кавалерийский уставы, в основе которых лежали соответствующие уставы гатчинской

армии. Главная идея новых армейских уставов заключалась в тщательной регламентации всех сторон жизни армии. По мнению Павла, уставы будут составлены подробнейшие уставы, инструкции и наставления, которые будут подробно расписано все, что имеет отношение к несению службы от последнего рядового до генерал-фельдмаршала, то автоматически исчезнет почва для произрастания злоупотреблений — чрезмерная самостоятельность и инициативность частных начальников, дисциплина в армии улучшится. «Чрез такое ограничение все будет несравненно довольнее и охотнее к службе, — подчеркивал Павел, — потому что не будут страдать и видеть себя подчиненными прихотям и неистовствам частных командиров, которые всем сим сквернят службу и вместо приобщивания удалению всех ней»³³.

Тщательная регламентация и стремление Павла свести инициативу подчиненных к минимуму имели и еще одну важную цель, о которой забывают критики Фридриха Великого и Павла I. Армия, исповедывающая законы линейной тактики, могла успешно действовать только в том случае, когда все ее составные части представляли единое целое, безоговорочно подчиняясь воле командующего и не проявляя ненужной самостоятельности. Инициатива же частных командиров такой армии была категорически противопоказана, ибо могла привести к нарушению боевого порядка армии и поражению. Цель обучения по-павловски заключалась в том, чтобы «сделать измышленого человека бессмысленную, но за то послушную машину, которая бы могла двигаться, оставаясь и стрелять со всей точностью автомата. Только при этом условии, десятки батальонов и целые армии могут исполнить главную задачу прусской тактики, то есть двигаться и действовать как один человек»³⁴.

Стремясь как можно скорее добиться сдвоения в подготовке и обучении войск, Павел однозначно запретил всякую «самостоятельность» на местах. Так, в гатчинском кавалерийском уставе 1793 г. начальствующим лицам под угрозой лишения чина или других наказаний предписывалось «во всех полках наблюдать равенство как в экзерциции, так и в одежии... Кап-шефу, так и инспектору или командиру не отваживаться перемещать что либо в экзерциции или в одежде, но оставаться всему так, как от государя предписано»³⁵.

В целом павловские военные реформы нельзя оценить однозначно. Безусловно, армия Павла I в сравнении с потемкинской армией выглядела в организационном и хозяйственном отношении намного более здоровой. Это признавали как иностранцы, так и отечественные наблюдатели. Армия была единообразно обучена, обмундирована и снабжена. Шефы и командиры полков, инспектора прилагали все усилия, чтобы подчиненным части выглядели не хуже, чем соседние, ибо от этого зависела не только их дальнейшая служебная карьера, но и их судьба. Павловские полки, особенно те, что были расквартированы вблизи столицы, отлично маршировали, блестяще выполняли все требуемые по уставу эволюции и построения и, одним словом, разительно отличались от прежних порою неряшливо обмундированных и на первый взгляд плохо обученных екатеринских войск, которые одерживали блестящие победы над турками и поляками в минувшее царствование.

Однако за блестящим фасадом павловской армии скрывались организационные ее недостатки, которые неизбежно должны были привести к крушению насаждаемую Павлом военную систему. Отрицание огромного опыта, который накопила русская армия за минувшие 30 лет, предостережение инициативы и самостоятельности, увлечение шагистикой и муштрой, стремление все предусмотреть и все заранее предугадать, — все это не могло не иметь крайне негативных последствий. Во главу угла было поставлено требование блестяще показать себя на плацу, во время смотра, а не на поле боя. Генералы и офицеры русской армии были лишены возможности вести поиск более совершенных форм обучения и подготовки войск, новых тактических приемов. К тому же превращение русской армии в подобие прусской армии-машины вело к слабости

и неповоротливости действий, нерешительности в принятии решений, заискиванию при встрече с ситуацией, которая не была заранее расписана в уставе, боязни принимать самостоятельные решения. Главная ошибка Павла, заключавшаяся в том, что он подошел к проблеме копирования прусской военной системы без ее тщательного осмысления, без применения к реальным условиям, в которых предстояло действовать русской армии, была замечена и современниками. Так, прусский посол в Санкт-Петербурге Брюль отмечал в донесении в Берлин: «Император не нашел ничего лучшего, как взять за модель прусский образец и слепо ему следовать, без предварительного серьезного размышления о необходимости приспособления этого образца к месту, климату, нравам, обычаю, национальному характеру»³⁶. Все новые явления в тактике и подготовке русских войск, которые появились в ходе войн екатеринского царствования, были безжалостно отброшены Павлом как не соответствующие его взглядам на военное строительство. Тем самым были заложены основы будущих поражений русской армии в 1805 г., Крымской, русско-японской и первой мировой войнах. Тем самым было доказано, что всякая попытка пересадить в неизменном виде на русскую почву европейский опыт военного строительства не имеет будущего.

Примечания

1. ТОЙНБИ А. Постижание истории. М. 1991, с. 42-44, 495-497.
2. См. БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М. 1958; ЗОЛУТАРВ В. А., МЕЖВЕИЧ М. Н., СКОРОДУМОВА Д. Е. Во славу Отечества Российского. М. 1985.
3. В этих исследованиях собран и обработан значительный фактический материал, однако выводы и обобщения в значительной степени устарели.
4. Краткое положение об учении коного драгунского строя. В кн.: Военные уставы Петра Великого. М. 1946, с. 56-57; ВОЛКОВ С. В. Русский офицерский корпус. М. 1993, с. 69-70; МАНШТЕЙН Х.-Г. Записки о России генерала Манштейна. М. 1998, с. 265; ЛЕОНОВ О. Г., УЛЬЯНОВ И. Э. Регулярная пехота: 1698-1801. М. 1995, с. 23.
5. АРТАМОНОВ В. А. Петр I и регулярная армия. — Военно-исторический журнал, 1992, № 9, с. 5.
6. ВАСИЛЬЕВ А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой. — Орел, 1992, № 1, с. 18.
7. МАНШТЕЙН Х.-Г. Ук. соч., с. 60.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 23, оп. 1/121, д. 807, л. 35.
9. Записки Раймунда графа Монтекукули, генерал-кассимуса царских войск, генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Златаго Руна или главные правила военной науки вообще. М. 1760, с. 12; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 1-е собрание. Т. VII. СПб. 1830, № 4229; см. Сборник военно-исторических материалов. Вып. 3. СПб. 1893, с. 35-37.
10. ПСЗ. Т. VIII. СПб. 1830, № 5571.
11. ПАВЛЕНКО Н. И. Вокруг трона. М. 1999, с. 734; ПСЗ. Книга итогов. Т. 43. Ч. 1. СПб. 1830, № 5803.
12. МАНШТЕЙН Х.-Г. Ук. соч., с. 39. Примечательно, что оба этих устава распространились в войсках в рукописном виде, что имело потом большие последствия.
13. Там же, с. 39; Мнение генерал-лейтенанта фон Минниа о убавлении войска. — Военно-исторический журнал, 1990, № 8, с. 4.
14. Сборник военно-исторических материалов. Вып. 15. СПб. 1904, с. 56; Вып. 2. Ставропольский поход. Документы 1739 г. СПб. 1897, с. 195.
15. ЛЕОНОВ О. Г., УЛЬЯНОВ И. Э. Ук. соч., с. 77-78; РГВИА, ф. 23, оп. 1/121, д. 1175, л. 1. Манштейн писал в своих записках (См. МАНШТЕЙН Х.-Г. Ук. соч., с. 266), что императрица Елизавета, по восшествии своем на престол, была принуждена угасить настояниям некоторых старых русских генералов, и в особенности фельдмаршала князя Долгорукого, который советовал ей оставить новые учения и вообще все, что было введено в предыдущее царствование; это было причиною того, что в войске скоро потом водворился беспорядок. Лучшие генералы и множество хороших офицеров, до крайности оскорбленных дурным обращением с ними, вышли в отставку. Манштейн имел в виду прежде всего офицеров-иностранцев, многие из которых действительно вышли в отставку. Однако все равно их

оставалось в русской армии еще достаточно много, да и следование имперским образцам укоренилось достаточно глубоко, тем более, что, как было показано выше, основные преклонения перед ними были заложены еще при Петре Великом и как бы получены освящением его именем и авторитетом.

15. Поэма «Военное искусство в шести песнях», сочинения Фридриха Великого. СПб. 1817, с. 7.
16. Цит. по: Российская дипломатия в портретах. М. 1992, с. 59.
17. Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей деятельности. В кн.: СОЛОВЬЕВ С. Сочинения. Кн. XI, прил. к т. 22, с. 565.
18. Там же, с. 565.
19. ПСЗ. Т. XVI. СПб. 1830, № 11595.
20. Там же, № 11707.
21. РЕЦОВ. Новые исторические записки о Семилетней войне. СПб. 1818, с. 215.
22. РГВИА, ф. ВУА, д. 17880, л. 1.
23. РУМЯНЦЕВ П. А. Документы. Т. 2. М. 1953, с. 261.
24. 3 мая 1769 г. в ордере генералу В. М. Долгорукому Румянцев предписывал: «...Все изданные тва надлежат от времени вступления в лагерь, между прочим и пудру совсем из употребления вывезть, а иметь в походах волосы в бумажках, а в караулах и парадах расчесывать в одну дрянную буклю»; Румянцев П. А. Документы. Т. 3. М. 1959, с. 25-27, 194; ЛЕОНОВ О. Г., УЛЬЯНОВ И. Э. Ук. соч., с. 134.
25. Памятники новой русской истории. Т. 3. СПб. 1873, с. 311-312.
26. Фельдмаршал Румянцев. Сборник док. и м-лов. М. 1947, с. 65-66.
27. РГВИА, ф. 52, оп. 1, ч. 1, д. 45, ч. 18, л. 7-8.
28. Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. В кн.: Россия и Франция XVIII-XX века. М. 2000, с. 103.
29. РГВИА, ф. ВУА, д. 17880, л. 4.
30. См. СУВОРОВ А. В. Походы и сражения в письмах и записках. М. 1990, с. 228-229, 368.
31. Жильбер Ромм о русской армии XVIII в. — Россия и Франция XVIII-XX века. М. 2000, с. 102.
32. Румянцев П. А. Документы. Т. 3. М. 1959, с. 153-154; РГВИА, ф. ВУА, д. 17880, л. 4; ОРЛОВ Н. А. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб. 1892, с. 32.
33. АГАФОНОВ К. К. Летопись новотроицко-екатеринославских драгун. Т. 1. СПб. 1900, с. 205; Цит. по: ЛЕБЕДЕВ П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. — Русская старина. Т. 18. СПб. 1877, с. 577.
33. Цит. по: История русской армии и флота. Т. 3. М. 1911, с. 7.
34. ЛЕБЕДЕВ П. С. Ук. соч., с. 233.
35. Опыт полевого кавалерийского воинского искусства. СПб. 1793, с. 53.
36. Так, например, прусский посол в России д'Аллонвиль отмечал, что «император Павел создал в некотором роде дисциплину, регулярную организацию, военное обучение русской армии, которой пренебрегала Екатерина II» (Цит. по: ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Грань века. СПб. 1992, с. 59-60), а упоминавшийся неоднократно выше генерал А. Хрущев в своей записке указывал, что «в прошедшее правление покойного государя императора превращение исправление сделано армии тем, что ружья исправлены, солдат покойнее одет, больше в нем попечения принято, и все вещи и жалование провозянт к нему в свое время доходов» (РГВИА, ф. ВУА, д. 17880, л. 9).
37. Цит. по: ЭЙДЕЛЬМАН Н. Я. Ук. соч., с. 65.